— Ты ранена? — Реннегер спросил серьезным тоном.

Излив свою силу на рану, чтобы временно остановить кровотечение, я сняла платок и холодно ответила:

— Ты думал, я надела это для украшения?

— Да, потому что это тебе подходило.

Удивленная искренним и лестным комплиментом, я неловко кашлянула вместо ответа.

— Как ты получила травму? Она выглядит довольно глубокой.

Вместо того, чтобы встать, я скрестила ноги и откинулась на спинку стула. Поскольку он был настолько любезен, что накормил Хирона, пока змей не наелся, я почувствовала себя обязанной ответить взаимностью на этот жест. Подперев подбородок рукой, я рассеянно постукивала ногой.

— Это был прощальный подарок от отца, — усмехнулась я, — я потеряла бдительность после того, как убила его. Кто знал, что у этого старого скелета все еще были козыри в рукаве? Мне повезло, что во время нападения я только задела себя. Было бы гораздо больше проблем, если бы меня проткнули.

Реннегер затаил дыхание, слушая мое хвастовство, и закусил губу, когда я закончила. Сбитый с толку, он пробормотал:

— Ты действительно убила лидера Апокалиты.

— Неужели в это так трудно поверить? — Спросила я, нахмурив брови от его реакции. — Я говорила только правду с того момента, как мы встретились.

Он слабо кивнул и положил обе руки на стол.

— Могу ли я исцелить тебя? — спросил он. — Поскольку наша кровь смешалась, разве моя целительная сила не подействует на тебя?

Логически рассуждая, это предложение Реннегера имело смысл, но я не была склонна принимать его помощь. Мое упрямство могло быть мелким проявлением гордости, но я всегда была уверена в себе. Я не принимала помощи ни от кого, кроме самой себя. Именно так я прожила свою жизнь.

— В этом нет необходимости. Я позабочусь об этом сама, — коротко сказала я, — тебе нет необходимости беспокоиться об этом. Сосредоточься на своем исцелении. Мы уезжаем завтра.

К счастью, Реннегер не стал настаивать на этом и просто кивнул.

— Тогда ты вернешь мне Священный Меч? — спросил он.

— Посмотрим.

Я заметила, как он издал разочарованный стон, но затем он прямо встретился со мной взглядом. Как всегда, его очаровательные голубые глаза, казалось, обладали непреодолимой магнетической силой, которая притягивала меня. Я чувствовала удушье, как будто тонула в морских глубинах. С огромным усилием мне удалось взять себя в руки.

— Есть кое-что, о чем я хотел бы спросить тебя, — начал он спокойным голосом, — на днях ты упомянула что-то о Священном Мече. Ты сказала, что мне причинят вред, если я продолжу поддаваться этому влиянию.

— Тебе это интересно? — Я кивнула, мои мысли лихорадочно метались. Наклонившись вперед, чтобы сократить расстояние между нами, я скрестила руки на груди и поддразнила: — Но ты можешь доверять тому, что я тебе говорю?

— Я не вижу причин, по которым ты начинаешь лгать мне сейчас.

— Что ж, такая реакция не из приятных.

— Пожалуйста, скажи мне.

Я слегка пожала плечами, откинулась назад и подперла подбородок ладонью. Мои темные шелковистые волосы мягко струились за спиной и переливались при каждом движении.

— В среднем Священный Меч переходит из рук в руки каждые десять лет, — начала я.

— Я знаю об этом.

— Но вы когда-нибудь видели трупы бывших владельцев?

Голубые глаза Реннегера были прикованы к моему лицу, его тело напряглось, когда он ловил каждое мое слово.

— Нет, верно? Священный Меч поглощает жизненные силы своего владельца, чтобы пополнить

свою силу. Другими словами, — объяснила я, восхищаясь тем, как сжались его пальцы, — каждому, кто носит меч, суждено быть поглощенным им. Ты тоже разделишь эту участь.

В комнате воцарилась тишина, когда до меня дошел смысл собственных мрачных слов. Выражение лица Реннегера стало напряженным, но на моем лице появилась ослепительная улыбка. Мне искренне нравилось влезать в душу серьезного рыцаря; было забавно раздражать его, и это приносило мне огромное удовлетворение.

Наблюдать, как разрастаются трещины в его непоколебимой вере, это было все равно что испортить чистую, нетронутую воду каплей тьмы. Жестоко, но для меня это было похоже на игру. Радость, которую испытала в тот момент, почти компенсировала последние три года, проведенные в уединении.

— Я понимаю, — сказал Реннегер, выражение его лица было тяжелым от беспокойства, — то, что ты только что сказала, противоречит всему, чему учит доктрина Латема.

Его замешательство было понятно, учитывая, что Священный Меч был священной реликвией, дарованной Латему богиней океанов. Узнать, что их богиня даровал божественный артефакт-паразит, который питается жизненной силой человека, было бы непросто для любого, а особенно для латемского рыцаря.

— Как уже сказала, я не лгу, — заметила я, почесывая Хирона под подбородком, когда он зевнул. — Священный Меч не ответил тебе, когда ты попросил силы в своей последней битве, не так ли? Вероятно, он предназначался для того, чтобы ты умер, и он смог поглотить те немногие жизненные силы, которые у тебя остались.

Длинные, крепкие пальцы Реннегера коснулись его губ, он вздрогнул, молча обдумывая мои слова. Вероятно, проигрывал в уме битву с грифонами. По тому, как опустились его плечи, было очевидно, что его внутренняя борьба усилилась, а сердце упало.

Хотя он никогда бы мне в этом не признался, правда оставалась в том, что меч хранил молчание для Реннегера с той роковой битвы и никак не отреагировал, когда я забрала его у него. В его голове теперь бушевала буря бесчисленных вопросов, пока он пытался разобраться с откровениями, которые я раскрыла. Что означало это откровение? Действительно ли священный меч предназначался для того, чтобы он встретил свою кончину? С его стороны было кощунством питать сомнения, и все же он оказался вынужден задать запретный вопрос.

— Почему? — размышлял он вслух, крепко сжимая кулак и делая глубокий вдох. — Разве Священный Меч не был священным артефактом, дарованным нам богиней океанов? Он обладает другими способностями, так почему же он стремится высосать нашу жизненную силу? Я сбит с толку.

— Ну, я узнала об этом только после получения Священного Меча, — призналась я, устремив на него пристальный взгляд и рассеянно поглаживая Хирона.

Идея о том, что Священный Меч покидает своего владельца и чахнет, чтобы высосать из него остатки жизненной силы, была опущена при построении мира в оригинальном романе. Почему это было опущено? Хотя я была заинтригована, это не было срочным делом и могло быть рассмотрено позже, поэтому я пропустила это мимо ушей.

— Моя лучшая гипотеза заключается в том, что, возможно, люди обладают самым сильным и пылким желанием выжить. Убрав руку с головы Хирона, я положила ее на стол. — Вот почему Апокалиты также стремятся к человеческим жизням.

Глаза Реннегера расширились от изумления, как будто он никогда раньше об этом не слышал.

— О, ты не знал? — Я усмехнулась, прикрывая рот. — Собирая тысячи человеческих жизней, потенциально можно создать существо вроде меня — подопытного.

Термин «Подопытный» использовался для описания мерзости, которая бросала вызов законам природы, созданным Богом. Это было подходящее описание того, кем я стала, хотя я была уверена, что Реннегер удивился бы, почему в моем тоне слышался оттенок печали.

— Так вот почему Апокалиты мстят своим верующим, — размышлял он, медленно выдыхая. — Чтобы лишить жизни тех, кого они убили.

— Извлечь? Я бы сказала, что это довольно рациональный метод сбора душ, учитывая, что люди, которых мы убили, были теми, кто разрушил мир.

— Это, — Реннегер на мгновение замолчал. Вместо того, чтобы повысить голос, он откашлялся и опустил плечи, — только Бог имеет право выносить приговор.

Реннегер остался невозмутим, когда из меня вырвался взрыв ироничного смеха.

— Каждый предстанет перед судом Божьим, поэтому наказания, налагаемые в этом мире, не имеют никакого значения, — утверждал он. — Вы не можете просто отнять чью-то жизнь за то, что он согрешил.

Его точка зрения была типичной для человека, который был воспитан в этой доктрине и придерживался ее всю свою жизнь. Однако лицемерие его заявления разозлило меня.

— Тогда позволь мне задать вопрос. — Вытянув руки перед собой, я оперлась подбородком на ладони и пристально посмотрела на него. — Почему последователи Латема казнят верующих в Апокалиту?

Выражение лица Реннегера посуровело, но подергивание кадыка выдавало его волнение. Сжав губы, он ответил:

— Они просто соблюдают заповедь против поклонения ложным идолам. Апокалиты — это не божества.

Я расхохоталась, размышляя, какой ответ дать ему следующим. Какой контраргумент я могла бы привести, чтобы бросить вызов глубоко укоренившейся вере этого святого рыцаря? Мне не потребовалось много времени, чтобы определиться с моим следующим шагом.

— О? — Я надулась, наклонив голову, — но разве доктрина не запрещает убийство? Убийство запрещено, но считается приемлемым убивать тех, кто не поклоняется Богу. Вы не находите это довольно лицемерным?

Реннегер быстро выдохнул, когда я так резко указала на эту лазейку, которой воспользовался Лэтем. Однако он оставался непоколебимым в защите своей веры.

— Верующие в Апокалиту отказались от своей человечности. Следовательно, их убийство не рассматривается как убийство.

— Боже мой! — Воскликнула я, хлопая в ладоши, — никогда не ожидала, что ты прибегнешь к такому клише.

Его взгляд дрогнул, но я не обратила внимания на его чувства. Если бы он намеревался быть упрямым, как мул, я бы тоже не стала сдерживаться.

— Тогда давай посмотрим на это по-другому. Латем также казнит перебежчиков.

— Только тех, кто обращается к Апокалите, — быстро вставил Реннегер, сделав глубокий вдох.

— Нет, — возразила я ледяным тоном. — Они казнят тех, кто желает перейти на сторону семей Дапен или Камбайт, хотя вы все поклоняетесь одному и тому же Всемогущему Богу. Итак, объясни мне: почему жители Латема убивают тех, кто верит в того же бога?

Я ухмыльнулась, когда выражение лица Реннегера дрогнуло, заставив его замолчать. Независимо от того, какой ответ он дал, это не решило бы основную проблему. Мы оба это понимали. Мне удалось побудить его еще раз усомниться в своей вере.

Под столом Реннегер сжал кулаки, пытаясь разобраться с мириадами — «почему», крутящихся в его голове. Почему Латемы убили своих собратьев? Даже если Бог не предопределял этого, почему они забирали жизни других? Он никогда раньше не подвергал сомнению свою доктрину, и это только еще больше сбивало его с толку. Я могла сказать, что от непрерывных вопросов, терзающих его разум, у него разболелась голова, когда он крепко зажмурился. Однако я безжалостно продолжала свое наступление.

— То же самое относится и к Священному Мечу. Подобно пиявке, он присасывается к своему

владельцу и высасывает из него жизненные силы до последнего вздоха. Количество бывших носителей Священного Меча должно исчисляться тысячами, верно? — Спросила я, широко улыбаясь.

Реннегер не мог найти слов, чтобы опровергнуть мои доводы. В конце концов, он сам чуть не погиб, потому что Священный Меч лишил его силы, когда он больше всего в ней нуждался. Его кулаки сжались еще крепче, пока молча переносил свое внутреннее смятение.

— Конечно, если вы хотите утверждать, что эти смерти также были частью божественного плана Бога, добавила я с оттенком сарказма, — я мало что могу сказать.

В конце концов, Реннегер медленно поднял голову и встретил мой пристальный взгляд пустыми глазами. Я не могла не посмеяться над этой пустотой в его взгляде. Подобно камешку, брошенному в спокойное озеро, рябь начала нарушать его некогда непоколебимую веру. Однако у меня не было намерения предлагать ему какое-либо утешение.

— Почему ты заставляешь меня подвергать сомнению нашу доктрину? — нерешительно спросил он, его голос был почти умоляющим.

— Разве ты не должен был предвидеть это в тот момент, когда решил сотрудничать с Апокалитой? — Я усмехнулась.

Не в силах ответить, Реннегер тупо уставился на меня и незаметно прикусил нижнюю губу. Ему было трудно признаться, но он чувствовал себя странно очарованным всякий раз, когда находился в моем присутствии. Казалось, я оказываю парализующее воздействие на его рациональность.

— Тогда скажи мне, — заметила я, нежно поглаживая Хирона по спине, — теперь ты доверяешь моим словам?

Вместо того, чтобы ответить прямо, он просто наблюдал, как я нежно ласкаю демоническую змею, которую я называла своим домашним животным. Он искал мой пристальный взгляд, глубоко заглядывая в мои змеиные глаза. Они были поразительно похожи на глаза зловещего змея, но в них каким-то образом таилась особая нежность, которую он не мог до конца понять.

В конце концов, все, что он мог сделать, это признаться самму себе, что, хотя я и была Апокалитой, возможно, я не была тем отвратительным объектом эксперимента, каким он когда-то считал меня.

http://tl.rulate.ru/book/104098/3791999